

К.Р. Ибрагимова (Москва, Россия)

Трагическое в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера

Аннотация: Статья посвящена анализу категории трагического в поэме Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы». Дается краткая характеристика терминам «трагедия» и «трагическое», понятым в средневековом духе, рассматриваются варианты их употребления в английской средневековой традиции. Автор предлагает выделить три основных типа трагического у Чосера, анализирует их специфику на примерах «Рассказа Монаха», «Рассказа Юриста» и «Рассказа Второй Монахини». Первый тип трагического является историей падения государей и строится по образцу жанра примера, опираясь на боэцианскую традицию. Содержание повествования, в котором отражается второй тип трагического, связано не с высокопоставленным, а с рядовым человеком, претерпевающим всевозможные бедствия. Наконец, третий тип трагического близок жанру жития святого и описывает муки безгрешного героя. В некоторых случаях разные типы трагического смешиваются, при этом все вариации этой категории связаны с темой немилосердной судьбы, лишены комического начала.

Ключевые слова: Джеффри Чосер, «Кентерберийские рассказы», «Рассказ Монаха», «Рассказ Юриста», «Рассказ Второй Монахини», трагическое, трагедия, Средневековье, Фортуна

K.R. Ibragimova (Moscow, Russia)

The Tragic in the “Canterbury Tales” by Geoffrey Chaucer

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the tragic modus in Geoffrey Chaucer’s poem “Canterbury Tales”. It gives a brief description of the terms “tragedy” and “the tragic”, which are understood in the medieval sense, and discusses the variants of their usage in the English medieval tradition. The author of the article singles out three main types of the tragic in Chaucer’s work and analyzes their specificity using “Monk’s Tale”, “Man of Law’s Tale” and “Second Nun’s Tale” as examples. The first type of the tragic is a story of fallen princes which is modeled on the genre of exemplum, having the Boethian tradition as a fundament. The content of the narrative, which is connected with the second type of the tragic, is associated not with a person of high position, but with an ordinary one undergoing all kinds of disasters. Finally, the third type of the tragic is close to the genre of the saint’s life and describes the torment of a sinless character. In

some cases, different types of tragic are mixed. All variations of this modus are associated with the theme of merciless fate and are devoid of comicality.

Key words: Geoffrey Chaucer, “The Canterbury Tales”, “Monk’s Tale”, “Man of Law’s Tale”, “Second Nun’s Tale”, the tragic, tragedy, Middle Ages, Fortune

Слово «трагедия», как и понятие «трагическое», редко встречалось в Средние века. В эту эпоху трагическое утрачивает связи с античным драматическим жанром: несмотря на то что упоминания о нем сохраняются в трудах книжников того времени (которые, впрочем, далеко не всегда верно понимают значение слова «трагедия»), драматическая трагедия как живое литературное явление постепенно угасает¹. Однако трагическое как выражение определенного типа содержания, не ограничиваемого вопросами формы и композиции, в Средние века не только сохраняется, но и обретает новое, соответствующее своему времени наполнение, будучи вписанным в контекст христианской культуры. Таким образом, категория трагического, утратившая конкретную форму, в которую она могла бы отлиться, высвобождается из рамок жанра и начинает существовать как тема судьбы, вызывающая сострадание и страх. Трагическое как категория начинает возникать в самых разнообразных типах текстов, – чаще всего текстов повествовательных, – общей чертой которых становится печальный сюжет о власти рока.

Разрыв с античной трагедией приводит к размыванию самого понятия «трагедия» в эпоху Средневековья. Это слово начинают использовать в новых коннотациях, основываясь на ошибочно понятых фрагментах из трудов древних авторов. В одной только английской традиции возникает целая палитра подобных переосмысленных определений: так, одним из первых слово «трагедия» в Англии начинает использовать Уильям Малмсберийский (William of Malmesbury, ок. 1090–1143) в «Истории английских королей» («Gesta regum Anglorum», 1125)². Он рассматривает трагедию в первую очередь как внелитературное явление: это прежде всего несчастье, катастрофа. Именно это значение сохраняется до начала XIV в.: точно так же употребляет слово «трагедия» в своем «Полихрониконе» («Polychronicon», конец XIV в.) Ранульф Хигден (Ranulf Higden, ок. 1280–1364)³. Еще более обобщенным значением слова «трагедия» в XIV в. оказывается «книга». Так, хирург Джон Ардерн (John Arderne, 1307–1392) рекомендовал «Библию и прочие трагедии»⁴ в качестве источника забавных историй, которые могут вызвать у пациента смех и этим помочь его выздоровлению. Порой возникали самые неожиданные версии, как расшифровать слово «трагедия»: трагедия оказывалась даже не книгой, но человеком, эту книгу создавшим, т. е. трагедиаграфом⁵.

На фоне подобного смешения понятий ярко выделяется Джеффри Чосер (Geoffrey Chaucer, ок. 1340–1400), который становится первым из образованных англичан, начавшим не просто более точно использовать слово «трагедия» в своих трудах, но и создавать собственные варианты повествовательных «трагедий». При этом, что характерно для эпохи Средневековья, в случае Чосера трагическое

¹ Андреев М.Л. Средневековая европейская драма. М.: Искусство, 1989. С. 13.

² Kelly H.A. Chaucerian Tragedy. Cambridge: D.S. Brewer, 1997. P. 41.

³ Ibid.

⁴ Kelly H.A. The Non-Tragedy of Arthur // Medieval English Religious and Ethical Literature / Ed. by G. Kratzmann and J. Simpson. Woodbridge: D.S. Brewer, 1986. P. 93.

⁵ Capgrave J. The Chronicle of England / Ed. by Francis Charles Hingeston. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 49.

не замыкается в рамках какого-либо единого жанра, но выступает как господствующая модальность в повествованиях, берущих свои истоки в разных традициях.

Однако следует отметить, что трагическое у Чосера неоднородно и реализуется в самых различных контекстах, что легко объяснимо. Комплекс понятий и образов, входящий в трагическое в его средневековом изводе, аккумулировал и соединял в себе порой противоречащие друг другу черты, основывающиеся как на античной, так и на христианской традиции. Вариации понимания термина «трагедия» и категории трагического, присущие творцам и книжникам разных эпох, не опровергали друг друга, но наслаивались одна на другую, расширяя рамки этой категории и обогащая ее все новыми смыслами. Накопленный опыт предшественников Чосера отражается в творчестве английского поэта, касающегося темы трагического разными гранями. Так, в «Кентерберийских рассказах» («*Canterbury Tales*», ок. 1400) Чосера мы предлагаем выделить три основных типа трагического.

Первый тип трагического, рассматриваемый нами, напрямую связан с бозэцианской традицией: это история падения государей. В жанровом отношении он оказывается своеобразным вариантом *exemplum*'а, примера, который, однако, утрачивает тематическое разнообразие, поскольку сводится лишь к одному сюжету: восхождению некоего человека высокого рода на вершину власти, а затем падению с нее и краху всех его устремлений¹. Особое значение в отношении этого сюжета обретает образ колеса Фортуны, от оборотов которого зависит судьба человека. Однако Фортуна, согласно «Утешению философией» Бозэция, на которого опирается Чосер, подчинена Провидению и, вращая колесо, руководствуется не своей прихотью, но тем, как ее действия соотносятся с порядком мироздания. Согласно средневековым представлениям, свободная воля человека в некотором роде делает его творцом собственной судьбы: пока он сохраняет добродетель, никакая беда не может его коснуться, но стоит его помыслам обратиться к греху, как он становится рабом Фортуны². Таким образом, трагическое концентрируется на духовной, внутренней жизни человека: все, что происходит с ним, зависит от пути, избранного им в своем сердце.

Иллюстрацией этого типа трагедии в «Кентерберийских рассказах» становится «Рассказ Монаха» («*Monk's Tale*»), представляющий собой собрание семнадцати *exempla*, каждый из которых рассказывает историю падения некоего известного мифологического или исторического персонажа. Главной проблемой, интересующей нас в связи с этими историями, становится поиск единой причины крушения всех этих героев. Однако попытка найти ответ на этот вопрос оказывается непростой задачей: перед нами предстают самые различные образы от откровенных грешников или злодеев (Люцифер, Нерон) до безгрешных или вовсе невинных людей (Александр Македонский, образ которого, согласно традиции средневекового романа, Чосер рисует самыми светлыми красками; царица Пальмиры Зенобия, описанная почти как святая³). Таким образом, мы видим, что если строгая бозэциевская система мироздания и принимается Чосером, то он делает акцент на принципиальной невозможности ее полного познания человеческим разумом. Независимо от деяний или помыслов, человек не в силах постичь пути Господни, и причиной его падения оказывается лишь его человеческая природа с присущим ей ограниченным горизонтом познания. При этом важно, что Чосер вовсе не от-

¹ Seymour M.C. Chaucer's Early Poem «De Casibus Virorum Illustrium» // The Chaucer Review. 1989. Vol. 24. №2. P. 164.

² Robertson D.W. Chaucerian Tragedy // A Journal of English Literary History. 1952. Vol. 19. №1. P. 4.

³ Lindeboom B.W. Chaucer's Monk Illuminated: Zenobia as Role Model // Neophilologus. 2008. №92. P. 348.

вергает то, о чем пишет Боэций, хотя среди созданных им образов есть как злодеи, так и невинные, он скорее смещает фокус с попытки охарактеризовать систему мироздания, которая была у Боэция, на человеческое ее восприятие. Именно оно делает человеческую жизнь трагичной: иррациональность бытия, отсутствие понимания причины несчастий приводят к печальному концу как виновного, так и невинного (впрочем, невинного лишь с человеческой, неподлинной точки зрения). Рисуя страдание добродетельного человека, прегрешения которого, казалось бы, невелики, или виновного лишь своей принадлежностью к грешному человеческому роду, Чосер возвращается к изначальной аристотелевской идее катарсиса, заставляя своих читателей испытывать страх и сострадание по отношению к такому же человеку, как они сами, как бы высоко он ни стоял, и обретает возможность назвать свои творения «трагедиями».

Слово «трагедия» в «Кентерберийских рассказах» появляется лишь в «Рассказе Монаха», однако это не указывает на отсутствие стихии трагического в других частях этого произведения. В основе ряда из них лежит стремление вызвать у адресата текста сострадание, и мы можем рассмотреть иные типы трагического, которые некоторые исследователи предлагают называть «патетическими историями» (*pathetic tales*¹), «серьезным» (*the serious*²), «патедией» (*pathedy*³). Трагические элементы здесь подчеркивают зависимость человека от неведомых ему сил, при этом дидактический элемент почти вовсе устраняется, в отличие от историй падения сильных мира сего, чаще всего содержащих мораль.

Итак, второй тип трагического у Чосера представляет собой историю человека, претерпевающего всевозможные перипетии судьбы, что при надлежащем поведении или благодаря стечению обстоятельств все же не приводит к его гибели. Трагическое в повествованиях этого типа призвано не констатировать факт падения, но выявить, как должен себя вести человек в беде. Таким образом, перед нами оказывается повествование о жизни некоего «всечеловека» (в отличие от высокопоставленных государей), добродетельного, но брошенного в бурный поток бытия.

Примером может служить героиня «Рассказа Юриста» («Man of Law's Tale») Костанца. Подобно щепке, носящейся по воле волн, героиня перемещается в пространстве, гонимая злыми наветами, при этом безропотно принимает все, что с ней происходит. Пассивность и беспомощность Костанцы, полная ее покорность року уподобляют ее судьбу (пусть и наполненную необычайными происшествиями) судьбе любого другого человека, безоружного перед силами мироздания. Очевидно, что приключения Костанцы вписываются в характеристику трагического. Это вновь повествование о мощи Фортуны, которая здесь неоднократно проявляет себя в образе воды, течения, увлекающего человека против его воли. При этом явно видно отличие этого типа трагического от трагедии падения государей: несмотря на то что героиня из царского рода, а приключения ее удивительны, все же страдания, испытываемые ею (семейный конфликт, разлука, кораблекрушение), были понятны многим. Однако Костанца добродетельна, поэтому все разрешается в ее пользу: историю перехода от счастья к несчастью смягчает «стихия сказки, греческого романа»⁴. Последнее влияет на повествовательную

¹ Guerin D. Chaucer's Pathos: Three Variations // The Chaucer Review. 1985. Vol. 20. № 2. P. 90.

² Ruggiers P. Notes Towards a Theory of Tragedy in Chaucer // The Chaucer Review. 1973. Vol. 8. № 2. P. 89.

³ Nist J. The Art of Chaucer: Pathedy // Tennessee Studies in Literature. 1966. № 11. P. 2.

⁴ Bloomfield M.W. The Man of Law's Tale: A Tragedy of Victimization and a Christian Comedy // PMLA. 1972. № 3. P. 384–390.

стратегию, которую использует Чосер: значительное внимание уделяется включениям героини, фокус постоянно смещается с одного места действия на другое, позволяя осветить большое количество событий и персонажей и продолжая удерживать слушателей и читателей в напряжении.

Третий тип трагического у Чосера близок ко второму, поскольку также делает акцент на сострадании и прославлении добродетелей. Однако героями этих повествований становятся не просто люди, страдающие по воле слепого рока, но невинные жертвы, стойко переносящие все муки, выпавшие им на долю и гибнущие в финале.

Подобные истории у Чосера сближаются с легендами о святых и написаны простым, но эмоциональным языком. Здесь значительное внимание уделяется теме телесного страдания, что тесно связано с интересом человека XIV в. к чувственному познанию, накоплению нового эмпирического опыта. Страдание, прочитанное через язык тела, давало человеку возможность соприкоснуться с чужой болью и выразить свою. Эти идеи отражаются в искусстве того времени в образе «очеловеченного» страдающего Христа, в муках которого человек Средневековья узнавал свои собственные терзания, а также испытывал новые, прежде неведомые ему чувства¹.

«Очеловечивание» касалось не только Христа, но и образов святых, легенды о которых позволяли читателю соотнести себя с героем повествования, пробуждая сострадание. Трагическая судьба святого наделялась высшим смыслом: земная гибель становилась лишь ступенью к обретению истинной благодати, поэтому жизнь персонажа, казалось бы оканчивающаяся его поражением, на самом деле оборачивалась величайшим триумфом.

Именно такой оказывается судьба раннехристианской святой Цецилии, о которой идет речь в «Рассказе Второй Монахини» («Second Nun's Tale»), восходящем к «Золотой легенде» Иакова Ворагинского². Как и в источнике, у Чосера она безгрешная героиня, чье мужество вызывает восхищение у всех персонажей этой истории. Трагическая ситуация, в которую попадает пытаемая за веру Цецилия, ею с достоинством преодолевается: не отрекшаяся от своей веры святая следует своему призванию и возносится на небеса.

Примечательно, что не все трагические истории в «Кентерберийских рассказах» полностью подпадают под вышеозначенную классификацию. В ряде случаев мы имеем дело с наложением одного типа трагического на другой. Самым ярким примером смешанного типа и потому заслуживающим особого внимания становится «Рассказ Студента» («Clerk's Tale») о Гризельде, безропотно перенесшей все испытания. Этот сюжет в обработке Чосера стоит на пересечении всех указанных нами типов трагического. Так, Гризельда лишается высокого положения, что позволяет причислить ее историю к «падениям высокопоставленных людей». Кроме того, беспрекословное повиновение Гризельды любым требованиям мужа оказывается некой аллегорией покорности человека Богу, т. е. ставит ее в положение святой. Но счастливый финал, нехарактерный для легенды о святом, а также удивительные перипетии судьбы Гризельды указывают на близость к сказочной тематике.

¹ Frank R.W. The Canterbury Tales III: Pathos // The Cambridge Chaucer Companion / Ed. by Piero Boitani and Jill Mann. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 145.

² Горбунов А.Н. Конец времен и прекращенье дней. Предшественники и современники Шекспира. М.: Прогресс-Традиция, 2019. С. 218.

Что же объединяет столь различные типы в единую категорию трагического? Подводя итоги, мы видим, что это в первую очередь тема безжалостной судьбы, возникающей во всех вариациях трагического у Чосера: герой движется от счастья к несчастью, претерпевает злоключения. Риторика повествования строится на стремлении вызывать у читателя сильные эмоции, страх и сострадание. Комическое же начало, несмотря на возможность счастливой концовки, во всех трагических рассказах Чосера отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Андреев М.Л. Средневековая европейская драма. М.: Искусство, 1989. 213 с. / Andreev M.L. (1989) Medieval European Drama. Moscow. Iskusstvo Publ. 213 p.

Горбунов А.Н. Конец времен и прекращенье дней. Предшественники и современники Шекспира. М.: Прогресс-Традиция, 2019. 529 с. / Gorbunov A.N. (2019) The End of Time and the Cessation of Days. Predecessors and Contemporaries of Shakespeare. Moscow. Progress-Traditsiia Publ. 529 p.

Capgrave J. (2012) The Chronicle of England / Ed. by Francis Charles Hingeston. Cambridge: Cambridge University Press. 482 p.

Bloomfield M.W. The Man of Law's Tale: A Tragedy of Victimization and a Christian Comedy. *PMLA*. 1972. No 3, pp. 384–390.

Frank R.W. The Canterbury Tales III: Pathos. In: The Cambridge Chaucer Companion / Ed. by Piero Boitani and Jill Mann. Cambridge. Cambridge University Press. 1986, pp. 143–159.

Guerin D. Chaucer's Pathos: Three Variations. *The Chaucer Review*. 1985. Vol. 20. No 2, pp. 90–112.

Kelly H.A. (1997) Chaucerian Tragedy. Cambridge. D.S. Brewer. 297 p.

Kelly H.A. The Non-Tragedy of Arthur. In: Medieval English Religious and Ethical Literature / Ed. by G. Kratzmann and J. Simpson. Woodbridge. D.S. Brewer. 1986, pp. 92–114.

Lindeboom B.W. Chaucer's Monk illuminated: Zenobia as role model. *Neophilologus*. 2008. No 92, pp. 339–350.

Nist J. The Art of Chaucer: Pathedy. *Tennessee Studies in Literature*. 1966. No 11, pp. 1–10.

Robertson D.W. Chaucerian Tragedy. *A Journal of English Literary History*. 1952. Vol. 19. No 1, pp. 1–37.

Ruggiers P. Notes Towards a Theory of Tragedy in Chaucer. *The Chaucer Review*. 1973. Vol. 8. No 2, pp. 89–99.

Seymour M.C. Chaucer's Early Poem "De Casibus Virorum Illustrium". *The Chaucer Review*. 1989. Vol. 24. No 2, pp. 163–165.

Сведения об авторе:

Карина Рашитовна Ибрагимова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Karina R. Ibragimova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
agitato72@mail.ru